

С большим успехом проходил в Югославии гастроль Московского Художественного Академического театра СССР имени М. Горького. Югославская публика не впервые встречается с мхатовцами. Еще в 20-х годах театр выезжал в Югославию, где показывал ряд своих спектаклей с участием Станиславского, Книппер-Чеховой, Качалова, Москвина, Тарханова.

Мы связались по телефону с Белградом и попросили директора МХАТ тов. А. В. Солодовникова рассказать о первых днях пребывания театра в Югославии.

— Как встречены спектакли МХАТ в Белграде?

— Прошла первая неделя гастрольей нашего театра. Все эти дни мы провели в югославской столице, показав спектакли «Три сестры», «Плоды просвещения», сцены из «Анны Карениной» и «Мертвых душ». 16 и 17 мая состоялся представления пьесы «Кремлевские куранты». После этого МХАТ выедет в Загреб, Сараево, Скопье и другие крупнейшие города страны.

Белград — чрезвычайно театральная город. Здесь замечательная публика. Во время действия внимание и тишина в зале необычайные. И тем более разительным контрастом являются овации, которыми зрители отмечают окончание спектакля. Овации длятся по десятипятнадцатиминутные. На сцену летят цветы, кулисами не прекращаются театральные встречи и поздравления, объятия. Во всем этом выражается огромный интерес к советскому театру и, в частности, к Художественному театру, высокое удовлетворение теми спектаклями, которые увидели белградцы.

У белградской публики уже есть свои любимцы среди мхатовцев. Особенно тепло приняли зрители Тарасову, Грибачева, да и все остальные актеры стали для белградцев близкими, интересными. Их везде встречают приветствиями и поздравлениями, будь то в театральных залах, за кулисами или на улице. У театральных подъездов после спектаклей всегда собирается молодежь, чтобы поближе увидеть артистов, получить их автографы.

— Состоялось ли уже знакомство мхатовцев с белградскими театрами?

— Все свободное время наши артисты посвящают знакомству со спектаклями на столичной сцене. С большим интересом смотрели мы «Федру» Расина в Югославском драматическом театре. 14 мая многие наши артисты, свободные от спектакля, проехали этот театр, направившись на гастроль в Советский Союз. Мы успели подружиться и полюбить замечательных югославских друзей, среди которых много великодушных мастеров, исполняющих роли Егорова, Булычева, Марии, Цирюбиной, Мирры, Ступичкиной, Ольги Спирidonовой и многие другие. На вокзале мхатовцы пожелали югославским артистам самых лучших успехов в советской столице. Мы уверены, что и москвичи будут столь же тепло приветствовать югославских гостей, как белградцы приветствуют здесь нас.

В исполнении артистов белградского Народного театра мы смотрели одну из лучших югославских пьес «Господа Глембавцы» старшего драматурга Мирослава Кражеви. Все единодушно отметили великолепное мастерство крупнейшего представителя белградского театрального мира артиста Любиса Йовановича и его коллег. Побывали мы и на балете «Охридская легенда» Стевана Христина. Мы выразили свое удовлетворение композитору, который выступает и как дирижер.

— Какое впечатление произвел на вас Белград? Какова программа дальнейшего пребывания театра в Югославии?

— С горы Авала, где сооружен памятник Неизвестному солдату, открывалась чудесная панорама на много километров вокруг. Белград — один из красивейших городов, которые нам доводилось видеть. Здесь много зелени, красивые дома. Из парка Калемегдан мы любовались Дунаем.

Коллектив МХАТ посетил могилу югославского драматурга Нушича и возложил венки к его памятнику. В Народном музее мы познакомились с живописью и скульптурой югославского народа, начиная с древних фресок и кончая современными произведениями. Особенно понравилась москвичам скульптуры югославского мастера Ивана Мештровича.

Позавчера театр дал бесплатный спектакль для рабочей и студенческой молодежи. Он проходил в актовом зале университета и имел необычайный успех. Мы познакомились с молодыми зрителями по сценарию спектакля «Мертвые души», а также показали нашу артистическую молодежь. Энтузиазм был огромный. И тут после концерта завязались многочисленные знакомства. Юноши и девушки тепло говорили нам о любви и дружбе.

17 мая выезжаем в Сараево, а затем продолжим свой дальнейший маршрут по стране.

Белградская печать, а также печать других городов ФНРО уделяет много внимания гастролем Художественного театра. Печатаются рецензии на спектакли, отчеты о наших встречах и экскурсиях, статьи мхатовцев, а также интересные архивные материалы о первых приездах МХАТ в Югославию.

Наш коллектив работает дружно, стремится показать на сцене сердечной белградской публике все лучшее, чем он располагает. Уже сейчас можно с полной уверенностью сказать, что гастроль посылает дальнейшему укреплению культурных связей и традиционной дружбы югославского и советского народов.

50-летие Уйгуна

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). Общественность Узбекистана широко отпраздновала 50-летие дня рождения и 30-летие творческой деятельности поэта и драматурга Уйгуна (Атакузиева).

В Узбекском академическом драматическом театре имени Хамзы состоялся юбилейный вечер. Юбилера тепло приветствовали представители партийных, советских, общественных организаций, деятели литературы и искусства. С докладом выступил доктор филологических наук И. Султанов. На вечере были оглашены приветственные телеграммы от Союза писателей СССР и писательских организаций братских республик.

Указом Президиума Верховного Совета республики Уйгуну присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусства Узбекской ССР.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 58 (3559)

Четверг, 17 мая 1956 г.

Цена 40 коп.

За тех, кто не приходит на готовое

Было у меня знакомый, начальник большого строительства Михайлов. Ходил он, чуть прихрамывая, опираясь на непомерно тонкую по его изрядному росту и весту тросточку, и при каждом шаге на широкое круглое лицо его приподнимались и опускались густые, круто выгнутые брови. Говорили, что это у него на нервной почве, еще с войны.

Обыкновенно считают, что широкие круглые лица бывают у людей добродушных и покладистых, но Михайлов всегда производил впечатление человека сумрачного, недоброго. Разговаривал он отрывками, морщась и слегка заикаясь в тех случаях, когда ему казалось, что собеседник неправильно понимает дело.

Строительство только разворачивалось, мостовщики вбивали в подстилку булыжники первых дорог, а за обочину нельзя было ступить: вязкий весенний чернозем засасывал ногу.

«Здесь будет город заложен», — говорят проектировщики, ставят репера и уходят. И только строитель знает, какого труда, каких невероятных усилий стоит этот первый период строительства, когда прибывают люди, а их негде поселить, когда нужно немедленно строить дома, а в поставке материалов перебои и дороги не проложены, когда санитарная инспекция позволяет пить эту воду только кипяченой, а «титанов» еще не привезли...

Иное дело, когда строительство начинается уже сложившимся, многоопытным коллективом, каких теперь у нас немало и становится все больше. Но на стройке, которую руководил Михайлов, пришлось все начинать сначала. И, прихрамывая, держа в руках бровями, он с раннего утра до позднего вечера метался по участку.

Хотя общее мнение о Михайлове было, как о дельном инженер-строителе, а к его делу относились к нему явственно. Так, несколько квалифицированных каменщиков подали заявления об уходе «через прищипку» начальника строительства.

С молчаливого согласия руководителей участков в наряды допускались прищипки, об этом все знали, но никто не возражал — каменщики опытные, выжили-таки. А Михайлов с плеча рубанул по прищипкам, приговори, что каждый незаконно выданный рубль будет выжигаться с производителей работ, оформлявших наряды.

Чуть ли не с первых дней работы Михайлов умудрился настроить против себя руководство завода, которому подчинялся стройка: отказался принять на баланс строительства большое количество механизмов, которые негде было использовать сейчас и едва ли удалось бы использовать позже. И что бы там ни говорили о том, как мало в наших условиях отражаются на выполнении работ личные отношения, но строительством, которым руководил Михайлов, получало материалы далеко не в первую очередь. Не хватало людей. В проекте были обнаружены ошибки, а строители уже заложили фундамент — пришлось переделывать. Бурей сверху стрелу башенного крана; в счастливый, обошедший без жертв, но тяжелые фермы покорежили ценное оборудование.

Трудно и неспокойно росли первые заводские корпуса, но, наконец, поднялись под крышу. На строительство прибыли монтажники. На всех совещаниях, заседаниях, собраниях докладчики и ораторы начали склонять слово «недоделки». Это значило, что строительством уже промажу ты критическую точку, которая стоит где-то между первым заходом бульдозера, разравнивающим площадку, и завершающим взмахом кисти маляра.

Тут-то Михайлова и сняли с работы. Сняли за то, как гласил приказ, что строительство систематически не выполняло плана и был допущен перерасход против сметной стоимости, и рабочим не создано надлежащих культурно-бытовых условий: в столовой грязные в потах стены, в клубе вместо скамеек лежат на чурбаках неоструганные доски.

Никто, как казалось мне тогда, не полагал об угрожом, постоянно обозначенном Михайлове. Приказ довольно точно излагал положение на стройке, и начальник все же не пытался преуменьшить свои вину.

А на место Михайлова назначили другого моего старинного знакомого Евгения Ивановича, на редкость обходительного человека с представительной внешностью, который в значительной степени он был обязан хорошему портному. До этого Евгений Иванович работал в производственном отделе завода и был известен, главным образом, своим баритоном удивительно приятного тембра — он охотно выступал на заседаниях.

И вот в первый же месяц под руководством Евгения Ивановича стройка дала 114 процентов плана, стены в столовой украсились альфрейной росписью, скамьи в клубе покрылись масляной краской. На следующий месяц выполнение плана достигло несмалых тут цифры — 120 процентов, и строительство завоевало передовые Красное знамя. Это походило на чудо...

Правда, нашлись люди, которые говорили, что остался Михайлов, так при его напористости и знании дела стройка дала бы, может, не сто двадцать, а все сто сорок процентов плана, что все эти успехи были подготовлены под руководством Михайлова, что это он силится коллектив и приучил каждого полностью отвечать за свой участок работы. Старый грубоватый мастер Максим Осипович Горбенко сердито ворчал, когда при нем хвалили Евгения Ивановича: «Видели мы таких ловкачей, что на чужом горбу норвят в рай въехать. Предлагали же ему стройку с самого начала принять — обими руками отмахивался, знай, небось, что тут и голову не-

трудно потерять. А пришел подходящий момент, он и равнулся на готовое...»

Но все это как-то не коснулось добрейшего Евгения Ивановича, а начальник отдела кадров г-н Костиков на одном совещании сказал об этом так:

— Великие учителя пролетариата, глубоко освещая в своих трудах важнейшие вопросы, верно направили наше внимание на важнейший вопрос правильной расстановки кадров. Работал у нас начальником строительства товарищ Михайлов — стройка была отстающей, а назначили туда Евгения Ивановича — вышла в переводе во всеосознанном масштабе...

Любопытно, кстати, что Михаила Ивановича Михайлова всегда и везде знали по фамилии, а Евгения Ивановича Комарниченко — по имени и отчеству.

Недавно я снова увиделся с Михайловым — он возглавляет большую стройку в Донбассе. Если не считать того, что Михаил Иванович изрядно постарел, он изменился к лучшему, стал как-то сердечнее, мягче к людям. О многом вспоминали мы, а когда я встал уже за шпалку, Михайлов спросил, чуть прищипываясь:

— Как там... Евгений Иванович? Я рассказал, что Евгения Ивановича назначили главным инженером завода и очень жалко об этом: главным инженером он оказался просто никудышным. Обищю он не допускает, так как вообще избегает принимать самостоятельные решения, а формулы «снять за бездарность» пока что не встречается в наших приказах и в кодексе законов о труде это не предусмотрено. К тому же выдвинули его, можно сказать, прямо со строительных лесов, кандидатскую диссертацию собирается защищать, и человек он приятный... Так пока и работает.

Михайлов никак не выразил своего отношения к моим словам и только в ответ на замечание, что многие строители часто вспоминают о нем, о Михайлове, смущенно ответил:

— Знаю. Я письма получаю до сих пор. Работая вместе, — сорвался, бывало, а вот письма пишут.

Помолчал и неожиданно добавил:

— Вы говорили, собираетесь на Ворошиловский завод?

— Да.

— Познакомьтесь там с инженером Кугаенко.

— Зачем?

— Да так... просто... уклончиво ответил Михайлов. — Хороший человек Кугаенко. И привет от меня передайте.

...Бучка сидела на столе. Анна Григорьевна Булузова, заместитель секретаря партийного комитета металлургического завода имени Ворошилова, надела очки, посмотрела в густо заполненную цифрами бумажку.

— Запишите, — сказала она. — Впереди — первый истопрокатный. Начальник цеха Юрков. План за декаду выполнен на 101,5 процента. Второй истопрокатный отстаёт. Начальник — Кугаенко. План выполнен на 97 процентов. Все зависит от того, как организована работа в цехах.

Цифра — вещь убедительная. Никаких сомнений в том, что Юрков хорошо организовал работу своего цеха, а Кугаенко — плохо, у меня не оставалось.

Встретиться с Кугаенко оказалось совсем не просто.

— Только что вышел в цех, — сказала мне в конторе.

В огромном, к сожалению, не достроенном еще цехе работала мощная прокатная стан «2800». Сталь превращалась здесь из огненных слитков в гладкие, покрытые слоем налета листы.

— Катая Аргентину! — железным голосом репродукторы скользящий диспетчер. Стан умолк. Началась наладка для выпуска металла новой марки, заказанного Аргентиной. Высококачественная сталь для мостов и машин, труб и подземных кранов шла отсюда во все концы мира.

Тем временем репродукторы шелестели и разрались несколькими довольно резкими определениями умственных способностей одного из операторов: задерживалась наладка, срывался график. Меня неприятно поразили эти слова, не очень удобопроизносимые в обычном разговоре и совершенно невыносимые в зеве репродуктора. Работа шла с перебоями.

Несколько покатались слитки в клетку прокатного стана, и даже когда стан заработал вновь, было видно, что не все тут идет как следует. Вот гремевшая машина с домашним названием — «жюныны». С той же легкостью, как обыкновенные жюныны фольгу, обрезает она крошки стальных листов толщиной в палец. Но обрезки эти в щель рабочей проталкивает палкой от метлы.

— Капризничает еще механизация, — хмуро пояснил мне человек с палкой. Эта палка тоже, видимо, влила на те три процента, которых не хватало плану.

Секунды и тонны — вот чем измеряется работа этого мощного стана. Секунды времени и тонны стали. Здесь же терялись минуты, а иногда и часы из-за простоя оборудования, из-за отсутствия металла.

Кугаенко в цехе уже не было. — Недавно пошел в конструкторское бюро, — сказала всезнающая девушка-табелшница.

Из-за большой чертежной доски были видны только ноги. На эти ноги мне и указали — Кугаенко.

Думается, никогда не увижу так полно человека, как в те минуты, когда он увлечен работой. Моложавое лицо Кугаенко освещала та чистая радость, которая бывает только на лицах детей, пускающих кораблики по весенней воде. С тем же

добрым, доверчивым выражением он рассказывал мне, что готовит сейчас новую схему организации ремонта оборудования. По подсчетам она даст дополнительно 50 тысяч тонн проката в год. Схема эта поражала своей простотой, смелостью, остроумием.

— Как же раньше до этого не подумалось? — Не знаю, — виновато развел руками Кугаенко. — Сам удивляюсь: очень уж просто.

Но когда речь зашла о том, как работает коллектив сегодня, доброе выражение, как ветром сдуло с лица начальника цеха.

— Плохо работаем, — сказал он. — Нас уже критиковали за это в заводской многоотражке. И правильно критиковали — плана не выполняем. А причина... причина одна: не организовали как следует работу.

Нет, немного дала мне встреча с Кугаенко. А объяснение его — «плохо работаем потому, что плохо работаем», — казалось беспомощным и неадекватным. Но совсем иным предстал предо мной Михаил Евдокимович Кугаенко, когда поговорил я с инженерами, мастерами, рабочими завода. Из их многочисленных высказываний я составил ясное представление:

1) Что Кугаенко заслуженно считается крупным специалистом в своей области, свыше двадцати лет он работает в черной металлургии, возглавлял освоение пяти мощных прокатных станов. Стан, который так успешно работает сейчас под руководством Юркова, также осваивался им, Кугаенко.

2) Что он очень охотно оставил Кугаенко своему бывшему заместителю Юркову коллектив, который организовал, и дело, которому отдал столько труда. Но его вызвали в министерство, пристыдили:

— Как же можно с вашим опытом отказать?

— Так ведь я еще не успел толком поработать в первом истопрокатном. Только, можно сказать, наладил...

— Зато новый стан какой! Первый в Европе! Неужели вы уступите другому чужестранцу такую машину?

И Кугаенко согласился.

3) Что в конструкции нового стана — и это естественно: первый такой! — было много недочетов, что трудовым подвигом были и пуск его и наладка.

4) Что первый истопрокатный как выполнял план на 101—102 процента при Кугаенко, так и выполнял при Юркове. А вот второй истопрокатный с каждым днем наращивает темпы — тут осуществлено много рационализаторских предложений.

5) Что Кугаенко вот уже второй год как не был в отпуске, а Юрков — был; Кугаенко приходит в цех на рассвете и уходит ночью, а Юрков свято соблюдает законоположение о продолжительности рабочего дня; наконец, Юрков получает премии, а Кугаенко — нет.

Как же все это не похоже было на то, что услышал я вначале! И как понятен мне стал теперь совет Михайлова познакомиться с Кугаенко.

В самом деле, ведь Кугаенко вполне мог снять с работы — за невыполнение, за неполадки, за срыв... Снять в тот самый момент, когда основные беды останутся позади. И назначить на его место очередного Евгения Ивановича. А тот уже вполне сумеет блеснуть успехами, подготовленными трудом всего коллектива, сплоченного его предшественником.

«И разве я не мерзость пятилеткой», — восклицал поэт. Разве все мы не мерзость пятилеткой и годовыми, и месячными, и еженедельными планами нашими? В нашем социалистическом государстве, где план заключает заботу о самом важном, во имя чего отдают жизнь лучшие люди на земле, — о человеческом счастье, — безусловное выполнение плана, отношение к плану измеряют и ум наш, и честь нашу, и совесть, и талант.

Но, понимаю я, не слишком ли часто мы чересчур упрощено, а иногда просто неверно, грубо оцениваем работу людей? И не таким ли упрощенным и неверным подходом объясняется в значительной степени, например, частая смена в Донбассе начальников шахт, начальников цехов?

А разве не бывает таких случаев, как в стройках, вызванных в жизни планом шестой пятилетки, на востоке нашей земли, в Сибири? И не только на новостройках и промышленных предприятиях — ведь тогда Евгений Ивановича можно встретить порой и в научном учреждении, и в редакции, и в театре, и даже в партийной организации.

Нет, мы не против тех, кто сменяет бездельников и бездарностей, кто, приля на новое место, трудится горячо, честно, творчески. Но пенкоснимателей, но людей, бегущих от трудностей, но тех, кто умело перекладывает трудности на чужие плечи, — терпеть нельзя.

И хоть ныне начальники порой благоволят к таким работникам, как Евгений Иванович, в народе их не любят.

Как-то недавно я был приглашен на семейное торжество в старому горняку. В разгар праздника был там предложен такой тост:

— За тех, кто не приходит на готовое! Кто начинает с самого начала и сам расхлебывает все трудности!

При этом один из присутствовавших поднял свою рюмку с таким выражением, словно в ней было не вино, а уксус.

Так вот, за тех, кто не приходит на готовое! За тех, кто не боится трудностей, а борется с ними и побеждает их. И за хорошее отношение к таким людям.

В. КИСЕЛЕВ, собственный корреспондент «Литературной газеты»

КНЕВ—ВОРОШИЛОВГРАД

В интересах мира

Мировая общественность с горячим одобрением встретила Заявление Советского правительства от 14 мая по вопросу о разоружении. В этом Заявлении объявлено о новом, весьма значительном сокращении численности вооруженных сил Советского Союза. Люди доброй воли, все те, кто заинтересован в предотвращении новой войны, сознают, что проблема разоружения — первоочередная, не терпящая отлагательств проблема современной мировой политики. Скорейшее ее разрешение — в интересах всех народов, в интересах всего человечества.

Руководствуясь благородным стремлением внести новый вклад в дело разоружения и обеспечения мира, правительство СССР приняло решение: в течение одного года, с 1 мая 1957 года, сократить численность вооруженных сил Советского Союза на 1200 тысяч человек, сверх предложенного в 1955 году сокращения на 640 тысяч человек; в соответствии с этим расформировать 63 дивизии и отдельные бригады, в том числе воинские части, находящиеся на территории Германской Демократической Республики, численностью более 30 тысяч человек; расформировать часть военных училищ Советской Армии; поставить на консервацию 375 боевых кораблей военно-морского флота; сократить в соответствии с этим вооружения и боевую технику вооруженных сил СССР, а также расходы Советского Союза на военные нужды по Государственному бюджету СССР.

Нужно ли более яркое свидетельство того, что Советский Союз — искренний и верный борщик мира? Каждому ясно, что гонка вооружений — главное препятствие к дальнейшему ослаблению международной напряженности. Теперь, когда рост сил народов, их активная борьба за мир, за мирное сосуществование принесли реальные плоды, когда во многом удалось рассеять атмосферу недоверия и подозрительности в отношениях между отдельными странами, сохранение разбухших вооруженных сил ничем не оправдано.

Между тем влиятельные круги некоторых стран и, в первую очередь, Соединенных Штатов Америки, заинтересованные в военных прибылях, продолжают искусственно поддерживать военную конъюнктуру. Раздуваются военные бюджеты, в ряде районов мира создаются и расширяются агрессивные военные группировки, на чужих территориях попрежнему сохраняются американские военные базы.

14 мая, в тот самый день, когда Советское правительство объявило о новом значительном сокращении численности вооруженных сил Советского Союза, министр обороны США Вилсон выступил в сенатской комиссии по иностранным делам с приемом к гониме вооружений. Он потребовал ассигнования 4,9 млрд. долларов на так называемую военную помощь иностранным государствам. Речь идет о финансировании гониме вооружений в странах, являющихся членами НАТО, о затратах огромных средств на атомное оружие, о расширении военных баз в европейских странах. А за несколько дней до этого Вилсон просил ассигновать на военные расходы США на 1957 год 36,2 млрд. долларов, что, по его признанию, будет «самой большой суммой, запрошенной министерством обороны за последние четыре года».

Чем иным, как не стремлением продолжать обанкротившуюся политику «холодной войны», можно объяснить усиление гониме вооружений в то самое время, когда весь мир ждет действительных мер разоружения? И не ясно ли, что именно этой политикой объясняется тупик, в который зашла по вине западных держав работа Подкомитета по разоружению ООН. Подкомитет, созданный под громким названием Подкомитета по разоружению, на деле стал, как отменяется в Заявлении правительства СССР, лишь ширмой для прикрытия гониме вооружений.

Советский Союз упорно добивался и добивается международного соглашения по вопросам разоружения. Считая, что в нынешних условиях особую опасность для человечества представляет атомная война, Советское правительство придает важнейшее значение запрещению термоядерного оружия. И в Организация Объединенных Наций и в Подкомитете по разоружению ООН советские представители неоднократно предлагали безотлагательно принять решение о полном запрещении атомного и водородного оружия, о прекращении его производства, об уничтожении запасов этого оружия, с тем чтобы поставить атомную энергию на службу исключительно мирным целям.

Вместе со всей мировой прогрессивной общественностью советские люди горячо приветствуют историческое решение Советского правительства.

Отказ пойти по пути запрещения атом-

15 мая в Москву по приглашению Советского правительства прибыли Председатель Совета Министров Французской Республики Ги Молле и Министр Иностранных Дел Кристиан Пино.

На Внуковском аэродроме их встречали руководители Советского государства, главы дипломатических представительств, журналисты.

В тот же день г-н Ги Молле и г-н Кристиан Пино были приняты Н. А. Булганиным, а затем В. М. Молотовым.

16 мая в обстановке искренности и дружественности открылись переговоры между правительственными делегациями СССР и Франции. После состоявшегося обмена мнениями по вопросам франко-советских отношений и по международным проблемам, интересующим обе страны, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин дал в честь гостей завтрак в одном из залов Кремлевского дворца.

На снимке: Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, Председатель Совета Министров Франции Ги Молле и Министр Иностранных Дел СССР В. М. Молотов.

ного и водородного оружия США и их партнеры мотивировали тем, что Советский Союз имеет преимущество перед западными державами в обычных вооружениях. Сославшись на это, западные державы предлагали установить преельные уровни вооруженных сил для пяти великих держав. Но как только Советский Союз согласился с этим, США и другие западные державы поспешили отказаться от своего первоначального предложения.

Вся история работы Подкомитета по разоружению ООН — это цепь уверток и ухищрений США и других западных держав, направленных к тому, чтобы помешать соглашению о сокращении обычных вооружений и запрещении атомного оружия. Характерно, что каждое советское предложение встречает возражения в виде контрпредложений западных держав. Но стоит советским представителям выразить свое согласие с предложениями западных держав, как они начинают отщепляться от своих же предложений, изыскивая разные предлоги, чтобы похоронить их. Так было и с вопросом об атомном и водородном оружии, так обстоит дело и с вопросом об обычных вооружениях.

Сейчас, в частности, западная печать ссылается на то, что прекращение гониме вооружений будто бы несвоевременно потому, что не урегулирован ряд политических проблем — проблемы Ближнего и Среднего Востока, германский вопрос, дальневосточные дела. Но разве не известно, что Советский Союз готов активно содействовать решению всех спорных международных проблем? И если они до сих пор не урегулированы, то ответственность за это несет не Советский Союз, а те круги, которые сознательно препятствуют ослаблению международной напряженности.

Советское правительство подчеркивает в Заявлении от 14 мая, будет и впредь, вопреки всем трудностям, добиваться взаимоприемлемого международного соглашения о сокращении вооруженных сил государств и соглашения о запрещении термоядерного оружия. Об искренности советских намерений, о благородном стремлении способствовать росту взаимного доверия между народами свидетельствует проводимое в одностороннем порядке крупное сокращение численности вооруженных сил Советского Союза.

Первые отклики на Заявление Советского правительства говорят о том, что оно произвело огромное впечатление во всем мире. Английская и французская буржуазная печать широко комментирует это важнейшее историческое событие. Почти все газеты вышли в эти дни с заголовками через всю полосу: «Россия сокращает свои вооруженные силы». Особенно выделяется то место Заявления, где подчеркивается, что Советское правительство готово будет рассмотреть вопрос о дальнейшем сокращении вооруженных сил СССР, если западные державы — Соединенные Штаты Америки, Англия и Франция — со своей стороны проведут соответствующее сокращение своих вооруженных сил и вооружений. Выдающаяся английская газета «Экстерн мейл энд Сат Уэлс ньюс» пишет: «Русские проявили самый верный признак искреннего стремления к миру, ибо такое сокращение вооружений можно считать конкретным свидетельством новой веры России в дело мира».

А газета «Виргиния пост» подчеркивает, что Советский Союз «стремится показать пример странам, пример, который будет восхвалять народы стран, не примкнувших ни в одну из лагерей, и который будет вселять надежду в сердца тех, кто несет тяжелое бремя расходов на вооружения».

Американская буржуазная печать, как обычно, пытается преуменьшить значение нового шага Советского правительства. Она твердит о «пропагандистском характере этого шага», пытается поставить под сомнение искренность намерений Советского правительства. «Хорошая новость, если это правда», — такой характерный заголовок одной из американских газет. Однако среди нарочитых искажений советской позиции, среди многочисленных «если» проскальзывает признание того, что советская политика мира крайне популярна на Западе, что она обладает огромной притягательной силой для миллионов людей.

Советские люди, занятые мирным социальным трудом, видят в решении своего правительства выражение уверенности в своих силах. Сокращение военных расходов и численности вооруженных сил Советского Союза позволит еще больше развернуть мирное строительство, расширить международные экономические, торговые связи, еще больше повысить благосостояние советского народа.

Вместе со всей мировой прогрессивной общественностью советские люди горячо приветствуют историческое решение Советского правительства.

„Двинуть вперед технику кино!“

Под таким заголовком в № 44 «Литературной газеты» было опубликовано открытое письмо работников киностудии «Мосфильм» заместителю министра культуры СССР тов. Н. Калмыкову.

Авторы письма, говоря об отставании кинотехники, подчеркивали, что серьезные недостатки, имеющиеся в этой области, мешают дальнейшему развитию киноискусства, повышению идейно-художественного качества фильмов. Редакция получила ответ от заместителя министра культуры СССР тов. Калмыкова, который публикуется ниже.

В открытом письме деятелей кино, опубликованном в «Литературной газете», правильно затронут ряд актуальных вопросов развития кинотехники. Министерство культуры СССР обсудило эти вопросы на специальном совещании, в котором приняли участие и авторы открытого письма.

Развитие отечественной кинотехники долгое время задерживалось. Разработка новой аппаратуры почти до 1954 года была в запущенном состоянии. Все это создало в кинематографии более трудные условия для внедрения передовой техники, чем во многих других отраслях промышленности.

В течение последних трех лет проделана определенная работа по расширению выпуска киноаппаратуры: созданы два больших конструкторских бюро для разработки новых видов этой аппаратуры, значительно увеличены исследовательские и экспериментальные работы в кинофотоинституте и на киноплочечных фабриках по созданию новых пленок.

Однако уровень техники большинства республиканских киностудий не отвечает необходимым требованиям.

Что делается для того, чтобы решить задачу улучшить техническое оснащение киностудий и преодолеть отставание техники кино?

Для создания отечественной синхронной съемочной аппаратуры около года назад была организована группа конструкторов — работа ее близится к концу. В третьем квартале текущего года в виде образцов выйдут первые два аппарата, в которых будут учтены достижения современной кинотехники (снижение шумов, зеркальный обьективатор, телепривод для управления аппаратом на дистанции и др.).

Во втором квартале этого года будет выпущена усовершенствованная камера «Москва» под названием «Москва-32-М». Образец камеры был испытан на киностудии «Мосфильм» и одобрен.

После проверки на киностудиях опытных образцов новых современных съемочных камер начнется их серийное производство.

В настоящее время изготавливается киносъемочный аппарат для трюковых съемок и широкоформатные аппараты для съемочных аппаратов.

Одновременно с производством пленки «ЛН-2», позволяющей производить съемку при освещении лампами накаливания, кинемеханическая промышленность начала организовывать выпуск необходимой для этого осветительной аппаратуры.

В этом году из 1260 осветительных приборов 1025 предусмотрено изготовить с лампами накаливания. Чтобы быстрее перевести киностудии с двухтрубных проекторов на лампы, в Главном управлении производственных предприятий дано указание увеличить выпуск приборов этого типа с тем, чтобы они обеспечили потребность кинематографии.

Параллельно с приобретением во Франции оптики для широкоэкранного кино работники кинофотоинститута в 1955 году были разработаны отечественные насадки и объективы как для съемки, так и для проекции. Центральным Государственным оптическим институтом было поручено разработать более совершенную современную анаморфотную оптику для широкого экрана.

В настоящее время изготавливается киносъемочный аппарат для трюковых съемок и широкоформатные аппараты для съемочных аппаратов.

Одновременно с производством пленки «ЛН-2», позволяющей производить съемку при освещении лампами накаливания, кинемеханическая промышленность начала организовывать выпуск необходимой для этого осветительной аппаратуры.

В этом году из 1260 осветительных приборов 1025 предусмотрено изготовить с лампами накаливания. Чтобы быстрее перевести киностудии с двухтрубных проекторов на лампы, в Главном управлении производственных предприятий дано указание увеличить выпуск приборов этого типа с тем, чтобы они обеспечили потребность кинематографии.

Параллельно с приобретением во Франции оптики для широкоэкранного кино работники кинофотоинститута в 1955 году были разработаны отечественные насадки и объективы как для съемки, так и для проекции. Центральным Государственным оптическим институтом было поручено разработать более совершенную современную анаморфотную оптику для широкого экрана.

В настоящее время изготавливается киносъемочный аппарат для трюковых съемок и широкоформатные аппараты для съемочных аппаратов.

Одновременно с производством пленки «ЛН-2», позволяющей производить съемку при освещении лампами накаливания, кинемеханическая промышленность начала организовывать выпуск необходимой для этого осветительной аппаратуры.

В этом году из 1260 осветительных приборов 1025 предусмотрено изготовить с лампами накаливания. Чтобы быстрее перевести киностудии с двухтрубных проекторов на лампы, в Главном управлении производственных предприятий дано указание увеличить выпуск приборов этого типа с тем, чтобы они обеспечили потребность кинематографии.

Н. КАЛМЫКОВ,
заместитель министра культуры СССР

Книги, присланные из Франции

Выставочные залы Академии художеств СССР сегодня примут первых посетителей открывающейся выставки французской книги. Мы побывали здесь за несколько дней до ее открытия, когда во всех шести залах еще царила обычная в таких случаях суета. Члены французской делегации и помогавшие им сотрудники Министерства культуры СССР были заняты разборкой и сортировкой литературы. Выкладывали все новые и новые ящики.

Надо сказать сразу: нашим полиграфистам есть чему поучиться у французских, и прежде всего — качеству печати, высокой культуре оформления, изобретательному использованию суперобложек.

В самом большом зале экспонированы книги по искусству, филологии, художественная литература и т. д. Перед нами альбом «Фонтенблео» с огромными цветными иллюстрациями, изданный в одной из лучших типографий Франции — Дрежера. Тут же монографии о выдающихся французских художниках Коро, Матиссе, Ватто, изданные Пьером Тисне. Внимание привлекают альбомы известного французского фотографа Картье-Брессона, в том числе его репортажи о Москве, Китае, Японии. Хорошо издана книга из 180 фотографий «В СССР» от Москвы до Самарканда.

Издательство Пьера Вормса прислало книгу «Русский балет Сергея Дягилева и театральная декорация». Ярко оформленные книги по истории искусства. «Историческая книга Дени Дидро «Племянник Рамо» с прекрасными иллюстрациями Коше. Книга издана «Кружком врачей-библиофилов».

Во Франции издаются ряд таких своеобразных издательств, специализирующихся в выпуске роскошных книг ограниченного тиражом (только для своих клиентов). В продажу эти издания не поступают, а становятся библиографической редкостью.

Очень красив в этом же зале стенд с Литературой для молодежи: серия книг-сказок, произведения Балзак, Рабле и других — всего 275 книг.

А вот периодика. 250 различных изданий по технике, искусству, моде и т. д. Их демонстрирует на выставке Национальное объединение экспортеров французской периодической печати.

В остальных залах размещены книги по общественным вопросам, религии, экономике и социологии, 85 — по естественным наукам, 235 — по технике и сельскому хозяйству и т. д.

Генеральный секретарь Постоянного комитета выставок французской книги г-н Ле Жоске де Сергэ, с которым мы беседовали, отметил, что выставка привлекала большое внимание французских издателей.

Ведь это первая выставка такого рода, организованная в нынешнем веке в Москве, — замечает он. Мы экспонировали книжную продукцию 125 издательств, в том числе одного государственного — «Национального центра научных исследований». Каждый посетитель выставки найдет здесь для себя что-нибудь интересное.

Г-н де Сергэ считает, что имеется много возможностей для расширения книгообмена между СССР и Францией. Во Франции очень интересуются советской книгой и надеются, что эти вопросы получат в ходе переговоров в Москве свое разрешение.

Выставка французской книги, несомненно, вызовет большой интерес среди советских полиграфистов, работников книжных издательств и типографий, а также среди многочисленных читателей.

А. БРАГИНСКИЙ

Поэма «Владимир Ильич Ленин» на каракалпакском языке

НВКУС. (Нам корр.). Республиканским государственным издательством выпущена впервые на каракалпакском языке поэма В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (перевод Ибрагима Юсупова).

Генеральный секретарь Постоянного комитета выставок французской книги г-н Ле Жоске де Сергэ, с которым мы беседовали, отметил, что выставка привлекала большое внимание французских издателей.

Ведь это первая выставка такого рода, организованная в нынешнем веке в Москве, — замечает он. Мы экспонировали книжную продукцию 125 издательств, в том числе одного государственного — «Национального центра научных исследований».

Каждый посетитель выставки найдет здесь для себя что-нибудь интересное.

Генеральный секретарь Постоянного комитета выставок французской книги г-н Ле Жоске де Сергэ, с которым мы беседовали, отметил, что выставка привлекала большое внимание французских издателей.

Выставка французской книги, несомненно, вызовет большой интерес среди советских полиграфистов, работников книжных издательств и типографий, а также среди многочисленных читателей.

А. БРАГИНСКИЙ

ПОВЕСТЬ О ПОЭТЕ

Когда летом 1953 года в болгарский город Банско — родину Николая Вапцарова — приехали гости из многих стран, кубанский поэт Николай Гилёв сказал собравшимся:

Примите симпатии Всемирного Совета Мира, для которого ваш поэт — личность мирового значения, гигантское дерево, корни которого — в земле Болгарии, а ствол и ветви дают отдых и силу всем, кто борется за свободу во всех концах света...

Жизнь-подвиг Николая Вапцарова стала для народов символом преданности делу мира, образом мужества и веры.

Быть может, хотите убить мою веру? Но чем в нее целитесь? Пулей? Гранатой? Напрасно! Она так надежно укрыта!

И знайте: нет в мире такого снаряда и пуля такая еще не отлетит! Еще не отлетит!

Памяти Николая Вапцарова посвящено в Болгарии много стихов, написанных поэтами разных поколений. Среди них поэма друга Вапцарова — Младена Исавра, стихи Божидара Божиданова, Георги Джагарова и совсем еще юных поэтов.

Появилась книга воспоминаний, написанная женой поэта Бойвой Вапцаровой, и большой сборник, изданный Болгарской Академией наук, куда вошли воспоминания восьмидесяти человек, знавших поэта. Ныне благородный труд создания монографической повести о болгарском поэте взяла на себя советская писательница Любовь Руднева.

В повести «Никола» показана вся непродолжительная по времени, но огромная по напряженности труда жизнь Николая Вапцарова — от детских лет до гибели. Он воплотил в себе лучшие черты поколения.

Жизнь Банско, училища, флота, портного города Варны, столицы Болгарии — София, подпольная деятельность партии, вести из Советского Союза и из республиканской Испании, влияние русской революции и русской литературы на Николая Вапцарова и людей его круга — все это живо встает со страниц повести. Она говорит о верности, о дружбе, о любви. Повесть овеяна романтической юности и подвига.

Заключенный в Моабите Дмитров, который писал с кандалами на руках, исчезнувший во время сентябрьского восстания учитель Цветан, арестованный за революционную деятельность на флоте Камен, друзья по революционному подполью Антон

Л. Руднева. «Никола». Детиз. 1953.

Попов, Кольо Калыпчиев — все они вошли в жизнь Николая так глубоко, что отделить его жизнь, его поэзию от них невозможно.

Для изображения каждого этапа жизни героя Л. Руднева подыскивает свою повествовательную манеру, свою интонацию. И это было не только стидовой задачей. Это было прежде всего задачей — показать человека в движении, развитии, росте, формировании его личности, его творческого облика.

Писательница понимала вредность идеологизации. Менше всего намеревалась Л. Руднева создать беллетризованное жизнеописание. В книге — десятки встреч Вапцарова с друзьями. Казалось бы, вот материал для показа того, как появляются стихи о дружбе, о вере, о мужестве.

Но Л. Руднева счастливо избежала столь упрощенного понимания творческого процесса. Она показывает сложность и специфичность вызревания художественного обобщения.

Многообразная жизнь Вапцарова, широта его интересов и замыслов, глубина его духовного мира не только очерчены в книге, но в ней показано, как подлинное богатство и величайшее многообразие свойств ему инстинктивно и как натуре огромной цельности, монотонности и революционной устремленности.

Широта взглядов и целустремленность сделали его гласателем и певцом пролетарского интернационализма и дела мира, сделали его национальным поэтом и героем. В ней, в этой целустремленности, проявилось все то прекрасное, что даже в условиях народной демократии созданы книги о Юлиусе Фучике, появляются книги о Николае Вапцарове. Читателю нужны книги и о советских героях-поэтах, которые не только стихом, но и всей своей жизнью доказали верность революционным идеалам.

Как редко и мало обращаемся мы к живой истории народов, к рабочему революционному движению, к биографиям борцов за справедливость, за социализм. Обращение к нашей революционной истории способно подсказать художнику героя, обогатить и направить замысел автора и попросту познакомит с жизнью замечательных людей, с их надеждами и свершениями. Речь идет и о работе по изучению архивных материалов, и о живых воспоминаниях современников, и об устном народном творчестве, хотя бы в такой его форме, как сказки.

Новое человечество в его борьбе рождает героев, не уступающих античным. Что бы там ни говорили, мифы не повторяются. Они создаются заново.

Лев ОЗЕРОВ

Хорошее начинание

КИЕВ. (Нам корр.). Вышел пятый номер журнала «Витязя», в котором опубликованы произведения чешских и словацких писателей. Они присланы по просьбе редакции Союзом чехословацких писателей.

В номере помещены рассказы Марии Пуймановой, Марии Майеровой, Иржи Марека, Ивана Смолика, отрывки из романа Карела Птачника, Яна Отчана, стихи Витеслава Незвала, Франтишка Бранслава, Яна Костры, очерк Яна Дрлы, критические статьи и другие материалы.

По полученным в Киеве сведениям, чехословацкие литературные журналы в свою очередь публикуют в ближайших номерах новые рассказы и стихи украинских писателей.

ает, как много вдохновляющего, зажигающего материала для литературы хранит в себе революционная история народов, их священная борьба за мир.

Жизнь Николая Вапцарова в повести строго документирована. Естественно, что некоторые недостающие звенья в цепи событий художник не только может, но и должен домыслить, воссоздать силой воображения, опирающегося на действительность. Сейчас не докажешь, имели ли место отдельные реплики и жесты, но Л. Руднева силой художественного проникновения в эпоху и характеры людей показала, как и надлежит историческому писателю, что и такие реплики и жесты могли быть; вымысел здесь проглядывает не произвол, а свободным владением историческим материалом.

В повести «Никола» народ показан не как этнографический и исторический фон, на котором подробно выписана одна, хотя и выдающаяся личность. Задача автора — дать образ трудового народа Болгарии, творца ее самых больших ценностей. Все лучшее, что есть в народе, есть в собранном, четком, проявленном виде и в его геро.

Книга Л. Рудневой внушает любовь к Николаю Вапцарову — большому болгарскому поэту-герою, любовь к мужественному болгарскому народу, к людям верным и стойким.

Читая книгу «Никола» Л. Рудневой, еще раз убеждаешься в том, как важно для писателя выйти за пределы внутрилитературного ряда даже при создании такого образа, как поэт. У нас и в странах народной демократии созданы книги о Юлиусе Фучике, появляются книги о Николае Вапцарове. Читателю нужны книги и о советских героях-поэтах, которые не только стихом, но и всей своей жизнью доказали верность революционным идеалам.

Как редко и мало обращаемся мы к живой истории народов, к рабочему революционному движению, к биографиям борцов за справедливость, за социализм. Обращение к нашей революционной истории способно подсказать художнику героя, обогатить и направить замысел автора и попросту познакомит с жизнью замечательных людей, с их надеждами и свершениями. Речь идет и о работе по изучению архивных материалов, и о живых воспоминаниях современников, и об устном народном творчестве, хотя бы в такой его форме, как сказки.

Новое человечество в его борьбе рождает героев, не уступающих античным. Что бы там ни говорили, мифы не повторяются. Они создаются заново.

Лев ОЗЕРОВ

СВЕЖИЙ ВЕТЕР

«Ветер в лицо» — это роман о наших современных — рабочих, инженерах, руководителей одного из крупных приднепровских металлургических заводов.

Св. ИВАНОВ

Автора не охватывала мысль, по которому не раз буйствовали сохлякские споры: что должно быть на первом плане в книге — производственная или личная жизнь героев. М. Руденко, рассказывая о судьбах простых людей, раскрывая их характеры, показывает неравнодушие, как это и бывает в жизни, их производственные дела и личные, их любовь и радости, страдания и ошибки. А судьбы героев романа Руденко — трудные, сложные судьбы.

Роман «Ветер в лицо» читается с ослабевающим интересом прежде всего потому, что автор сумел построить сюжет интересный, напряженный, основанный на острых конфликтах. Характеры его героев раскрываются на решении сложных жизненных вопросов и в сфере общественной, производственной, и в сфере личной жизни. Скажем сразу, что в построении сюжета и в характерах героев многое вызывает возражения, но с главным автор, несомненно, справился.

Большое место в романе занимает судьба главного инженера завода Федора Голубенко, его жены Валентины и инженера-стальплавильщика Виктора Сотника — первого мужа Валентины. Со школьной скамьи все трое были друзьями, и оба юноши любили Валентину. В дни войны, в эвакуации, она вышла замуж за Виктора, попавшего в тыл после ранения. Молодой офицер через несколько дней уехал на фронт, и скоро Валентина получила «похоронную». Она осталась одна с сыном Олегом, о рождении которого Виктор не знал. Ее разыскал Федор. Внимательно, чутко он отнесся к ее горю, с любовью — к сыну погибшего друга. Валентина согласилась соединить с ним свою судьбу. В этот момент Федор встретился с Виктором, ушедшим, спасаясь, рвущимся к Валентине. И вот Федор, борясь за свое право обретенное счастье, обманул Вик-

тора, заявив ему, что женат на Валентине и у них есть сын.

Многие годы семья Голубенко живет как будто счастливо. Но не может быть счастья, построенного на обмане. Этот обман все время гнетет Федора и как-то неудовольствие скрывается на жизни семьи. Через несколько лет Валентина узнает, что Виктор жив. Но одна ложь влечет за собой другую. Валентину снова обманывают — говорят, что Виктор еще во время войны женился ей, женился на другой. Наконец, с комиссией Министерства Виктор Сотник приезжает на завод, чтобы по долгу службы помочь Валентине в ее интереснейшей работе над интенсификацией мартеновского процесса.

Автор смело ставит своих героев в острые ситуации, в которых и раскрывается характер каждого. Валентина и Виктор в конце концов мужественно, строго, без мещанских мелодрам, понимают и прощают друг друга. И мы понимаем, хотя это в романе и не изображено, что вопреки всем несчастиям сложилась еще одна крепкая и чистая советская семья. Ценно то, что здесь автор ничего не приукрашивает. Он показывает, что Валентине, даже после того, как она узнает всю правду, не так просто разоблачить в своих чувствах, он смело анализирует ее отношения к Федору, с которым прожиты хорошие годы. Чувства Виктора и его отношение к Валентине тоже имеют много оттенков. Да и рвущая Федора, автор не пошел по линии примитивного зачисления его в «отрицательные» герои.

Если сравнить героев романа «Ветер в лицо» с героями книг, посвященных первым пятилеткам, то нельзя не заметить, насколько выросли духовно за эти годы наши советские люди. М. Руденко хорошо отразил черты нашего сегодняшнего дня с его быстро развивающейся техникой, высокой культурой производства, с большими требованиями и к производственному и к инженеру, с его все более ясной и требовательной социалистической этикой. Коля Крутой — это прежде всего думающий, культурный человек, творчески относящийся к своему делу. Понимая, что без знания не добьешься успеха, он изучает книги и опыт товарищей. Он умеет передать свой опыт — и с докладом перед сталеваками выступил и брошюру написал. Таким же растет в коллективе сталеваков и его подручный Сокол. Пола творческих дерзаний работа инженеров — Валентины, Сотника, Голубенко. Все это люди передовой социалистического производства, его умные и умелые хозяева. Их жизнь неотделима от кипучей и напряженной жизни

цеха, завода, всей армии советских металлургов — мы это чувствуем постоянно, хотя автор и не увлекается «производственными сценами».

Заводской коллектив возглавляет партгор Доронин, совмещающий функции партийного руководителя и директора, так как Горькой болел и в романе мы его почти не видим. После бедных образов партгоргов, которых немало было в литературе последних лет, Доронин радует живыми и своеобразными чертами своего характера. Он не претендует, как многие другие партгоры в литературе и в жизни, на знание абсолютной истины и полную непогрешимость. Его сила — в большом партийном и жизненном опыте, в многосторонних связях с людьми, в умении увлечь людей на борьбу за дело партии, быть для них не «начальством», а старшим товарищем. Доронин показан и на заводе и в семье, прежде всего в его трагических отношениях со стариком-отцом. Он порой сомневается, иногда делал ошибки, но постоянно ищет и находит верный путь.

Никола Руденко — поэт. «Ветер в лицо» — его первое большое произведение в прозе. И читая роман, ощущаешь, что поэтическая школа помогла автору. Он любит символы и умеет применить их к художественным задачам. Символические многие описания природы, битва двух орлов в небе, да и, наконец, тот ветер в лицо, который и дал название роману. Очень сильно и поэтично написана картина смерти отца Доронина. Этот светлый и мудрый старик, неутомимый труженик тихо и спокойно умирает на восходе солнца на берегу Дняпра. Сын на долгие везет его тело в родное село, и простого трудового человека в последний путь, как почетный эскорт, сопровождают, все время меняясь, рыбацкие лодки. Незнакомые люди молча существуют рядом и отдают последний долг его отцу, принявшему долгую и красивую рабочую жизнь.

В романе есть немало поэтических сцен, но в описаниях трудовых процессов автор, к сожалению, редко поднимается до поэтической поэзии. А ведь металлургия особенно любит поэзию своего трудового дела. С каким любовно-нежным чувством рассказывают они о том, как «вышит домна» и «играет сталь!» Жаль, что не проникся таким чувством и Никола Руденко, тогда производственные сцены получились бы у него ярче и поэтичнее.

В романе «Ветер в лицо» немало хороших образов, серьезных мыслей, ярко написанных сцен, и в целом он читается с интересом. Но книга написана неровно. Там, где автор идет от жизни, — ему сопутствует удача, но там, где появ-

ляются надуманные или почерпнутые из книг «за литературные» образы и ситуации, — там писателя подстерегают неизбежные провалы.

Немалое место в романе занимает заместитель директора завода по снабжению, бывший интендант Сокол. Он задуман автором как представитель техных, враждебных нашему обществу сил, остатки которых еще существуют и напоминают нам вред. Сын сельского лавочника, он еще в юности покусался на жизнь председателя сельсовета и после этого жил по чужому паспорту, превратившись из Загребца в Сокола. В дни войны Сокол попадает в плен, предает коммунистов, затем, увидев признаки краха гитлеровцев, бежит из плена, предатели убивают, пробравшись к своим из окрестностей советского солдата и забирает у него знамя полка, чтобы, вернувшись с этим знаменем, реабилитировать себя. Вся дальнейшая жизнь Сокола — это цепь аморальных поступков и уголовных преступлений. Он знает о том, что Голубенко обманул Сотника, что Виктор жив, и все время шантажует Федора, желая с его помощью закрепиться на заводе, вступить в партию и т. д.

В нашей жизни есть, вероятно, и такие отщепенцы и преступники, но у Руденко Сокол выглядит скорее книжным злодеем, чем живым человеком. Из его образа и во всем его поведении много схематизма, надуманности, нарочитой эффектности. Даже самая существенная для дальнейшего развития сюжета сцена, когда Сокол подслушивает разговор Федора с Виктором, написана совершенно неудачно. Плохо мотивировано и активное вмешательство Сокола в семейные дела Федора Голубенко, его откровенный шантаж. Никакой реальной пользы Сокол от этого не получает. Действует он как бы «на всякий случай», хотя, должен понимать, что в случае разоблачения его грязных дел коммунист Голубенко ему все равно не поможет, чем бы это самому Голубенко ни грозило. Некоторые живые черточки, которыми автор удалось наделять Сокола, все же этот образ не спасают.

Не вполне удался автору и некоторые другие герои. Безжизненной и подкаленной получился Густынька. Все его любовь к Владимиру паласка и бесцветна. Бледной тенью осталась сталевак Сахо. Читателю, право же, трудно понять, почему после разоблачения Сокола его бывшая жена Лиза решила связать свою судьбу именно с Сахо. Не мотивировано в романе, психологически не оправдано поведение Веры Мироновой. Она и Лиза — блудницы, Росли вместе, живут рядом, рабо-

тают на одном заводе, испытывают воздействие одной и той же здоровой среды, и вдруг ничем не объясненное полярное различие во всем — в отношении к жизни, людям, работе. Схематичен и образ одного из центральных героев — Виктора Сотника. О его раздумьях, переживаниях, устремлениях можно, собственно, лишь догадываться.

Порой автору изменяет чувство художественной правды. В описании ситуаций проявляются искусственность, заданность. Слишком оттягивает, например, автор, не обосновывая этого, объяснение Валентины с Виктором, до странности долго не разрешает Виктору понять, что Олег сын его, а не Федора. Такая же искусственность есть и в сцене игры в шахматы Сотника с Гордым, в посещении семьи Голубенко Виктора в больнице. Оттенки фальши есть в эпизоде, когда старик Гордынько узнает, что для его ректоров, по указанию Федора Голубенко, доставлялась наиболее выгодная шихта, и приходит объясниться с заместителем сталевака.

Вызывает возмущения перегруженность романа композиционными инверсиями. Есть в книге и лишние эпизоды, не связанные ни внутренне, ни внешне с замыслом и сюжетом романа. Таковы, например, поездка сталевака Коли Крутого к сестре, сцена у женщины-врача, занимающейся полными абортациями. В некоторых второстепенных эпизодах автор излишне многословен.

Недостатки романа тем более досадны, что автор мог избежать их, как это локально делает вся книга в целом. И жаль, что редактор А. Гурев не проявил необходимой требовательности, не помог опытного поэту, но начинающему прозаику.

Думаю, что роман М. Руденко, несмотря на серьезные недостатки, — отрадное явление в украинской прозе, которая за последние годы не очень-то радовала читателей. Писатель взялся за важнейшую тему советской литературы — тему рабочего класса, и сказал о людях нашей индустрии свое свежее слово.

Ему удалось воспроизвести в своем романе хорошую, кипучую, зловонную атмосферу нашей советской жизни, и это, пожалуй, самое ценное в книге. Пусть еще много трудностей в жизни его героев, пусть шлеплет в лицо ветер, — это ветер жизни, он не сломит, а только даст новые силы для борьбы и побед.

Ему удалось воспроизвести в своем романе хорошую, кипучую, зловонную атмосферу нашей советской жизни, и это, пожалуй, самое ценное в книге. Пусть еще много трудностей в жизни его героев, пусть шлеплет в лицо ветер, — это ветер жизни, он не сломит, а только даст новые силы для борьбы и побед.

Ему удалось воспроизвести в своем романе хорошую, кипучую, зловонную атмосферу нашей советской жизни, и это, пожалуй, самое ценное в книге. Пусть еще много трудностей в жизни его героев, пусть шлеплет в лицо ветер, — это ветер жизни, он не сломит, а только даст новые силы для борьбы и побед.

ПАРИЖ И ПАРИЖАНЕ

1. Чрево Парижа

Доминика ДЕЗАНТИ

Мне хочется пригласить вас попутешествовать со мной по улицам Парижа и повести по кварталам города в часы, когда каждый из них предстает во всем своем блеске.

Выйдем из дому на рассвете, когда сероватое утреннее небо еще борется со светом незатушенных фонарей. Мы выберем с вами рынок — «чрево» Парижа, когда-то описанный Золя. Торговцы уже привезли продукты для своих лавок. Так называемые «мандатары» — упомянутые — рынок (монополисты прилавков, которые держат в руках всю оптовую и розничную торговлю мясом, рыбой, овощами и фруктами и считаются крупными коммерсантами), их приказчики и рыночные грузчики (их именуют у нас «силачами») заняты доставкой скота с бас.

В этот час многочисленные отцы и матери приходят на рынок, чтобы закупить по пониженным ценам то, что осталось от вчерашней торговли. В мясном павильоне слышатся робкие, скромные голоса бедняков: «Что-нибудь самое недорогое».

У рыбных прилавков знаменитые «дамь рынки», рыбные торговцы, в очень коротких пласированных юбках и толстых передниках, обутые в туго обтягивающие ноги высокие кожаные зашнурованные сапоги, распродают остатки за басенку; эта процедура сопровождается изощренными проклятиями и необыкновенными сравнениями, которые, думается, не в силах создать ничья другая фантазия. Порой мне кажется, что уличный парижский жаргон, из которого французский литературный язык всегда черпал наиболее меткие выражения, обогащается и обновляется именно на рассвете в рыбных павильонах парижского рынка. Особый аромат этих слух так же силен, как запах свежей рыбы...

Рыночные здания в Париже воздвигались на тех местах, где в старину располагались базары крестьян. Когда-то они приезжали сюда продавать продукты. Но сейчас вы не увидите здесь ни одного крестьянина. Только шоферы грузовиков поддерживают связь с деревней. В торговле хозяйничают «мандатары», комиссионеры. Они монополизировали снабжение населения, устанавливая цены, сколачивают себе состояния...

Многие «мандатары», с таким подозрительным, чтобы полагаться на помощников, проводят всю ночь на рынке, базарная от своей косяку в прилавках, к стойкам кафе или столикам ресторанов.

...Рабский Париж, еще сонный, устремляется к метро и автобусам. Старухи бредут в первой массе в церковь Сент-Эсташи, одну из самых старинных церквей, расположенных на рыночной площади. Просыпается и соседний квартал Шателев. У стоев бесчисленных кафе, окутанных узкими веревками моего города (никогда я не могла постигнуть, как им всем удается оправдать свое существование), толстые хозяева наливают из огромного чайника черный кофе всем холостякам, вдовам и разведенным, тем, у кого не хватает мужества самому приготовить утренний завтрак. Они пьют стою, молча пробегая глазами жаркие заголовки газет.

Рабские устремляются в предприятия между шестью и семью часами утра (иные и раньше; бывает, что от дома до работы час, а то и два часа пути, особенно для живущих в пригородах). Потом приходят служащие — как раз в тот час, когда ребята, размахивая сумками, направляются в школы. Служащие министерств и административных учреждений начинают свой трудовой день позже.

Итак, мы провели утро в квартале, где работа кажется случайной прохождению «живописной», где грузчики («силачи» рынка) и возчики кажутся веселыми, полными сил, довольными. Очевидно, это потому, что всеобщее и шутливое свойство характера парижан. А ведь эти люди, занятые утомительным трудом и расходуя силу своих мускулов и энергию на работу в темпе, который поражает нас (ибо к температуре добавляется угрожающая необходимость «мандатары», строгие и жесткие хозяева, не прощают ни минуты опоздания, и здесь больше чем где-либо приходится бороться с конкурентами, помня, что время — деньги), освобождаются лишь тогда, когда распорядано все.

Возвращаясь поездом метро в отдаленный район, где они живут, простые люди задумываются над завтрашним днем. Все они, за редким исключением, участвовали в войне. Некоторые из них провели пять лет в лагерях для военнопленных (не следует забывать, что два миллиона французов потеряли значительную часть своей молодости в немецких концентрационных лагерях, не считая выселенных и интернированных). В конце войны они говорили себе: «Это последняя из последних». «Наступит мир, и мы сумеем все изменить».

Мало-помалу рабочие и мелкие торговцы начинают, несмотря на лютый реакционный печати, понимать происходящее. Говорят о перспективах смягчения международной напряженности, об итогах англо-советских переговоров, о поездке Ги Молле в Москву. Проглатывая кофе у стойки «бистро», «силачи» в синих блузах обсуждают насущные вопросы мира.

...Когда добиваешься чего-либо вместе с другими, то побеждаешь, — говорит «силач», приводя в пример рабочих тех предприятий, которым удалось добиться повышения заработной платы.

площадь (самый прекрасный архитектурный ансамбль эпохи Людовика XIV, если не считать Версалья) и непрекращающийся водоворот Плас Оперы.

Вандомская площадь — сердце торговли «люкс». Подобно улице Фобур Сент-Оноре, она дает представление о том, что такое мода (в частности, из драгоценных украшений и золотые и серебряные изделия): это постоянное обновление вкусов, разгул воображения.

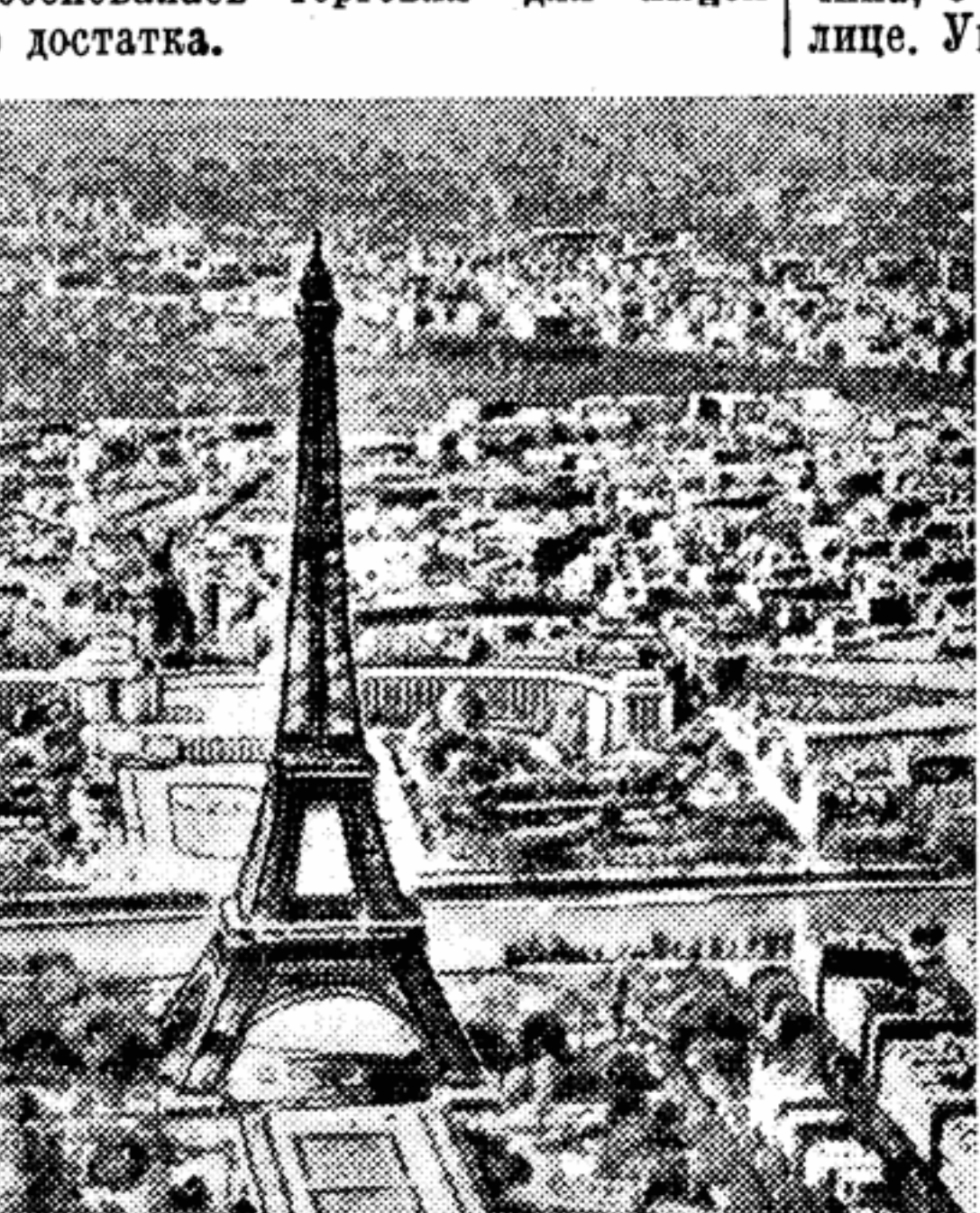
На улице Фобур Сент-Оноре (совсем поблизости), в соседстве с самыми роскошными художественными витринами магазинов города, находится английское посольство, резиденция президента республики и красивое здание, в котором расположилось министерство внутренних дел. Улицы напоминают прохожему о революции 1789 года: здесь жил Робеспьер, и через Сент-Оноре проезжали тележки с артистами, приговоренными к смертной казни.

Сейчас она демонстрирует мастерство парижских ремесленников — мебельных мастеров, портных, ювелиров, а также декораторов, которые из каждой витрины создают больше частью блестяще сделанную картину, непрестанно видоизменяющуюся. Окна магазинов на этой улице часто варьируют одну и ту же тему: «Семь смертных грехов» или «Сказки Перро». Мастера оформления придумывают действующих лиц (нередко их роли исполняют живые люди), целые сцены, прославляющие товары, продающиеся в магазине: шоколад, меха, принадлежность женского туалета, одежду, старинную мебель, драгоценности...

По вернейшему к бурлящему центру — кварталу Оперы, где Большие бульвары протягивают свои шпательцы к Елисейским полям, а с другой стороны — к площади Республики, откуда извлеклись торговые улицы поднимаются к Монмартру.

Площадь Оперы — пересечение бульваров; постоянная толпа прохожих, выходящих из метро, осаждающих автобусы, шумные места, куда бы поставил свои автомобили, отвлекает внимание от самого здания Оперы. Архитектор Гарнье воздвиг дворец, символизировавший апогей крупной финансовой буржуазии эпохи второй империи. Тяжеловесная пышность, бьющая через край надменная самоуверенность — вот здание, которое должно нравиться туристам и провинциалам. Парижане предпочитают грациозные аркады Пале Рояля, навевающие воспоминания о революции, о реставрации, воспоминания, закрепленные Балзаком и Стендалем. Подлинные любители Парижа предпочитают также маленькую уютную Латинскую квартала или Бюльвар, Вогезскую площадь — прекрасный памятник эпохи Людовика XIII, где мушкетеры дрались на дуэли и где жил Виктор Гюго...

Большие бульвары... Это здесь в самый разгар утра, около десяти или одиннадцати часов, особенно опустимо бьетесь пульсирующие Парижа. Позади здания Оперы расположены большие магазины, вдоль бульваров обосновалась торговля для людей среднего достатка.

Париж. Эйфелева башня.

Каждое помещение Больших бульваров и перпендикулярных им улиц предназначено для коммерческих дел. В каждой квартире, перестроенной под магазин или контору, придумывается новый способ «дедать деньги». Профессия посредника (третьей, четвертой, десятой степеню влиятельности) стала пристанищем для тех, кто не может или не хочет заниматься производственным трудом. И часто товар проходит через дюжину ступеней, что, естественно, не может не отразиться на его цене.

Поверхностный взгляд на Париж присущ туристам, которые распространяют слухи о народе, будто бы довольном своей судьбой, не стремящемся ни к изменению, ни к движению вперед. Туристы забывают, что толпа, спешащая вдоль бульваров, — это тоже французский народ. В этой толпе есть швей, способные начать забастовку, в то время, когда модельеры подготавливают новые образцы; они могут поставить в трудное положение предпринимателей, чтобы добиться заработной платы, которая дает возможность быть сытым. В этой толпе можно встретить, например, служащих министерства финансов, которые пару лет назад протестовали против правительственных мер, выйдя все вместе на улицы. Среди парижан, мирно прогуливающихся или пьющих дико на открытых террасах кафе, есть люди, которые во время Женевского совещания Глав правительств ездил в Швейцарию, чтобы расказать представителям четырех держав, чего хотят и о чем думают французы. У

3. Интерес к Советскому Союзу

С некоторых пор газеты знакомят своих читателей с видом московских и ленинградских улиц. Путешествие в СССР стало мечтой многих французских. Другой приглашают специально для того, чтобы «познакомить с одним приятелем, который совершил поездку в СССР на пароходе «Батерий». Кажется, что восемьдесят туристов превратились в миллион: всюду во Франции они — самые желанные гости!

Если случится услышать в кафе или шикарном магазине небрежно брошенное алегрикой женщиной слово: «Когда я была в Москве...», — немедленно кто-либо спросит: «Скажите, это правда, что русские хотят мира?». И дама, только что расшумывавшая о премудрости парижских мод над модами московскими, кивает головой и с убежденным видом говорит: «О, да... Они хотят мира. Если бы все его хотели так, как они, то войны не было бы»...

Интерес к Советскому Союзу усиливается с каждым днем. Сейчас в связи с поездкой Ги Молле и Бристана Нино в Москву он стал еще больше. Поездки французских туристов в Советский Союз оказались благотворное влияние на взгляды французов.

Сейчас рождаются многие мифы, которые в течение тридцати восьми лет создавали определенные круги во Франции.

Я была свидетельницей очень любопытной сцены на одной из парижских набережных, там, где вдоль реки в парапетах притаились ящики бумажников с соблазнами на все вкусы. В хорошую погоду набережные оживляются. Бумажник сидит в своем кресле на тротуаре и, поглощенный чтением, выжидает, когда покупатель подойдет к нему, чтобы проглатить до этого некое количество книг. Часто бывает, что неумный студент или библиофил, отвлеченная выслезательство, стоя, за час прочитывает учебник или целый роман... Ящики бумажников начинают напротив Луизи и кончатся далеко за собором Нотр Дам. Они тянутся вдоль французского института, и здесь можно часто увидеть какого-нибудь члена Французской академии в треуголке, в зеленом расшитом костюме, с шагой на боку, перелистывая произведения других академиков, он с торжесным обнаруживает, что и его собственные книги продаются на набережной по удешевленной цене. В Латинском квартале студенты роются в ящиках бумажников в поисках пожеланных учебников или произведений классиков. Бумажники являются неотъемлемой частью очарования Парижа.

Итак, в тот день, это было еще осенью прошлого года, я бродила по парижской набережной и решила подойти к одному из бумажников, специализировавшемуся по книгам о Советском Союзе и о коммунизме... Однажды этот бумажник, показывая книгу Ленина, пробовал доказать мне, что он «объективен». В самом деле, книга Ленина лежала среди всякой антикоммунистической и антикоммунистической драки, бульварных романов... Когда я подошла к ящикам, со стариком-бумажником беседовал какой-то хорошо одетый мужчина, с розеткой Почетного легиона в петлице. Указывая на книги, он говорил старому: «Я часто покупал у вас книги. Мне очень захотелось посмотреть эту таинственную страну, о которой писали столько ужасов. Я взял билет на «Батерий». Все, что я там увидел, произвело на меня разорочившее впечатление. Не разрешите мне сказать вам, что вот уже много лет, как вы торгуете всякой чушью и небывшими и люди вроде вас разжигают войну...» В это время бумажник тиснет открыл рот, отрицательно качал головой, что-то бормотал: «Нет, мосе, нет же...». Но тот не давал ему оправдаться и в заключение сказал: «Уверюсь вас, что если я приведу сюда всех туристов, побывавших в СССР, вы не успеете ахнуть, как вся ваша лавочка полетит в Сену...» Произнес это привычно властным голосом, господин в агеантом востоке удалился. Я наглая его и, забыв о приличиях, обратилась к нему:

«Мосье, я невольно подслушала ваш разговор. Я тоже пришла из Советского Союза и...
— Так вы не считаете, что я прав?
Я ответила, что совершенно с ним согласна. Тогда он рассказал мне о себе. Он владел станкостроительного завода и поехал в СССР из любопытства, а также и в надежде повторить о возможности торгового обмена...
— Как хотите, но я предпочитаю мое правительство советскому, и все же среди высказавший Хрущева есть такие, с которыми я согласен. В самом деле мы нуждаемся в советских (и в китайских, конечно!) авиалазах, чтобы наши заводы работали на полную мощность. Конечно, благодаря этим заказам рабочие получили бы работу. И совершенно правильно, что разные французские промышленники пытались наладить торговые переговоры, но их останавливал нелепый список «стратегических материалов», в который занесены почти все товары, могущие интересовать русских, включая и сталь. Моментами и начинаю сомневаться в нашей независимости. Словом, я бы сторонником заключения парижских соглашений и включения Германии в НАТО в тот момент, когда все это происходило, но сейчас не уверен в своем отношении...
Я привела этот разговор, чтобы показать, как велик интерес к Советской стране. Сама жизнь развивает немудреные легенды противников франко-советского сближения. И можно без преувеличения сказать: поездка французских государственных деятелей в Москву приветствуется всеми...
ПАРИЖ, МАЙ.

Несколько иллюстраций к позиции США в Подкомитете по разоружению ООН

Кому не знакома худощавая фигура дяди Сама, издавна олицетворяющая Соединенные Штаты. Но вот перед художником американского журнала «Нейшн» дядя Сам оказался перед зеркалом. И — о, ужас! — он не узнает себя. На него смотрит страшный раздувшийся старик в военной форме и стальной каске (рисунк справа сверху). Дядя Сам явно испуган: неужели в этом зеркале он увидел свой настоящий облик? Или это, быть может, только плод разыгравшейся фантазии художника из журнала «Нейшн»?

Давайте откроем другой журнал — «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт», журнал, связанный с кругами, которые отнюдь не склонны фантазировать, а предпочитают стоять на деловой почве. Посмотрите на дядю Сама. Он также в каске и с ног до головы обвешан оружием. А чтобы у читателя не оставалось никакого сомнения относительно реальности данного образа, журнал публикует статью под названием «Вооруженные силы — самый большой бизнес Америки». В помещенной тут же диаграмме (справа внизу) наглядно показывается, сколько стоит оружие и другое военное имущество. Захлебываясь от восторга, журнал сообщает, что общая сумма этого имущества в трех родах войск равна 123,9 миллиарда долларов — почти половина всех капитало-инвестиционных частных промышленников в заводы, оборудование и административные помещения.

Действительно, военное ведомство является для американской промышленности крупнейшим потребителем. Миллионы США нажимаются в невиданных размерах на нынешней гонимой вооружений. Недавно были опубликованы данные о прибылях за первый квартал этого года крупнейших американских корпораций, значительная часть продукции которых идет на военные цели. Так, «Стандард ойл компани оф Нью-Джерси» получила чистую прибыль в 205 млн. долларов по сравнению с 177 млн. долларов в первом квартале прошлого года; «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» — 104,1 млн. долларов против 72,6 млн. долларов; «Бетлингем стил корпорейшн» — 44,9 млн. долларов против 35,3 млн. долла-

NEW WEAPONS BLOOM AMID THE PEACE TALK

ров, а всего чистой прибылью 777 ведущих корпораций составила 3 052 миллиона долларов против 2 739 миллионов, то есть увеличилась на 11 процентов.

Ныне бизнесмены потирают руки: военный бюджет продолжает увеличиваться, предстоит еще более крупные военные поставки, а следовательно, и приток прибылей в их карманы. Вместе с делами радуется и журнал «Юнайтед Стейтс ньюс». Недавно он опубликовал характерную статью под названием «Кто получит доллары, ассигнованные на оборону», в которой пишет о проекте бюджета на новый 1956/57 финансовый год. Оказывается, «общая сумма, ассигнованная на национальную оборону (то есть на гонимую вооружения)» примерно на 1 миллиард долларов больше, чем расходует в этом году».

Журнал не без удовольствия сообщает, что вся эта огромная сумма денег «приливает в руки бизнесам». Особенно увеличит производство в атомной промышленности, пишет он. «Теперь начнут производить водородные бомбы в таком же количестве, как и атомные. Нет никаких признаков, что производство в этой области будет сокращаться».

А в одном из последних номеров того же журнала помещена фотоподборка, заголовок которой цинично оповещает: «Среди разговоров о мире процветает выпуск новых видов оружия» (репродукция заголовка сверху в центре). Тут же напечатаны фотографии и краткие данные о новых американских самолетах и управляемых снарядах.

Как видно, американские промышленники собираются и впредь расширить «самый большой бизнес Америки». После чтения подобных статей в американской печати даже у не искушенного в политике читателя возникает вопрос: не от этого ли зависит позиция определенных влиятельных кругов США, воздвигающих все новые и новые препятствия на пути к международному соглашению о прекращении гонимой вооружений? Не этим ли объясняется бесплодность работы Подкомитета по разоружению ООН, который на деле стал лишь широкой для прикрытия гонимой вооружений?

Продолжение милитаризации экономики и гонимой вооружений, новые изобретения и новые миллиардные прибыли для монополии — такова картина сегодняшней Америки. Не удивительно, что благообразный дядя Сам на рисунке в журнале «Нейшн» так испугался, увидев в зеркале свой истинный облик.

Судьбы эмигрантов

«Склизень», что значит «Жатва», — журналчик, печатающийся в Гамбурге на роляторе кучкой чехословацких эмигрантов. Строки, которые мы приводим ниже, взяты из рецензии на «Склизень» на стихотворение некоего Тумириха «На прощание». Характеризуя переживания чехословацкого эмигранта, которому посвящены стихи, рецензент пишет: «Жизнь для него — ядовитое блюдо, которым человек смертельно пресыщен, она для него кинофильм о последней экстазме...».

Все содержание «Склизень», рассказывает газета «Руде право», основано на реальных фактах, которые и сейчас отражает атмосфера безличности и пессимизма людей, порывающих с родиной. Впрочем, не только в «литературных» изданиях сквозит эта безнадежность. Недавно эмигрантская «Чехословацкая газета», издающаяся в Нью-Йорке, подбодрил своих читателей заверением, что «мы не находимся на свалке истории», писала: «Поезда прибывает и отходит, а тот, которого мы добиваемся, не приходит и не приходит. Может быть, даже его нет и в графике». «Руде право» приводит многочисленные факты разложения среди галаверей чехословацкой эмиграции. Мюнхенский эмигрантский листок «Богемия» признает, что эти галавери «...начали с доносов на сигареты в лагерях для беженцев, а кончили тем, что продались за доллары американскому комитету «Свободной Европы»...».

Все болельщики эмигрантов убеждаются, что их поезд не значится в графике. Успехи стран народной демократии, постепенное сближение международной атмосферы способствуют тому, что немало людей, ведущих борьбу словами «Склизень», «...неспокойную жизнь исторических современников», задумываются над своей судьбой. «Ныне», — пишет «Руде право», — многие из тех, кто покинул родину, сумели найти выход из положения, дорогу назад, домой — в страну свободного труда».

WHAT ARMED FORCES OWN	
Military Property, by Branch of Service —	
Navy	\$ 56.4 bil.
Army	\$ 34.1 bil.
Air Force	\$ 33.4 bil.
Total value, armed forces' property	\$ 123.9 bil.
Military Property, by Kind —	
Buildings, other real estate	\$ 21.5 bil.
Guns, ships, planes, other equipment in use	\$ 48.5 bil.
Stockpiles of arms and supplies	\$ 51.0 bil.
Machine tools on hand	\$ 2.9 bil.

По дорогам Сицилии

На обложке книги рисунок: девочка на фоне далах, в лиловой дымке холмов; у ребенка не по-детски скорбное личико с огромными лиловатыми и печальными глазами. Рисунок принадлежит автору книги — итальянскому писателю и художнику Карло Леви. Его имя уже известно нашему читателю. Книга очерков Леви «Христос остановился в Эболо» недавно вышла в русском переводе, а сам Леви в прошлом году побывал в Советском Союзе. Карло Леви назвал свою новую книгу «Слова — это камни». Перед нами — сборник очерков, написанных в результате поездок по Сицилии.

Леви сбрасывает с Сицилии романтическое покровало, которое накинули на нее авторы некоторых книг и туристских проспектов. Страна апельсиновых рощ встает перед нами как бедственная область Италки, где преступная деятельность преступной мафии используется помещиками для подавления всякого сопротивления народа. Это Сицилия, которую мы знаем по произведениям Верга и реалистическим фильмам Виконти и Джерми.

Уже читая «Христос остановился в Эболо», можно было оценить реалистический талант Леви. В жанре путевых очерков удачно соединяются две стороны дарования Леви — писателя и живописца. Леви-художник все время помогает Леви-писателю.

Писатель едет по безлюдным дорогам Сицилии. По сторонам — нисем не возделываемые помешичьи земли. Редко-редко встретится тутни гни вдали, на фоне архаичного неба, замаячит силуэт паствы. Тишина и покой. И вдруг мы переносимся в самую гущу напряженной социальной борьбы. Перед нами шахтерский поселок Леркара Фриди. Сотни вооруженных карабинеров, улицы, заполненные возмущенными людьми... Объявлена первая в этих местах забастовка!

«Я приехал из простого любопытства», — пишет автор, — чтобы осмотреть одну из серных шахт, одно из тысяч селений, где до сих пор царит крестьянская полупокорность. А вместо этого оказался в самом водовороте жизни, среди людей, в сердцах которых рождаются новые, доселе неизвестные чувства».

Леви хочет разобраться в причинах забастовки. Он встречается с хозяином шахт сеньором Н. Это характерная для Сицилии фигура хищника, соединяющего в своем лице и арендатора земли и помещиков и капиталиста-предпринимателя. В Сицилии таких людей называют «габелотти». Этого человека жители прозвали Пероном.

Леви дает гротескный, запоминающийся портрет «современного Перона». Художник, несомненно, берет при этом верх над писателем. «Как описать его? — восклицает он. — Пожалуй, только красками на полотне можно было бы передать его лицо, окружающие предметы, его позу и жесты. Я отчетливо ощущал, что передо мной какой-то редкий экземпляр вымершей породы, что это человек не настоящего, но вчерашнего дня и даже не прошлого века, но словно один из тех, кто жил тысячу лет тому назад...» в эпоху рабовладельчества.

Этой злобейшей фигуре Карло Леви противопоставляет людей труда, простых рабочих Леркара Фриди. Он тепло описывает свою встречу с ними, передает мысли, которыми они поделились с писателем, рассказывает об их надеждах. «Я не мог не понять, — замечает писатель, — что эти люди, проводящие всю свою жизнь под землей, как мертвецы, в серном аду, переживают сейчас свое собственное воскресение».

Сицилия — страна древней культуры. Леви знакомит читателя с нравами и обычаями сицилийского народа, с увлечением смотрит постановки народного театра, где огромные, в человеческий рост, куклы исполняют сцены из рыцарских времен, осматривает развалины старинных памятников. Но он особенно видит, что старина оставила свой след и на всей жизни крестьян, наложила свой отпечаток на их отношения с баронами и «габелотти».

Карло Леви. «Слова — это камни». (Три дня в Сицилии). Издательство Зинаида, Турин, 1956 г.